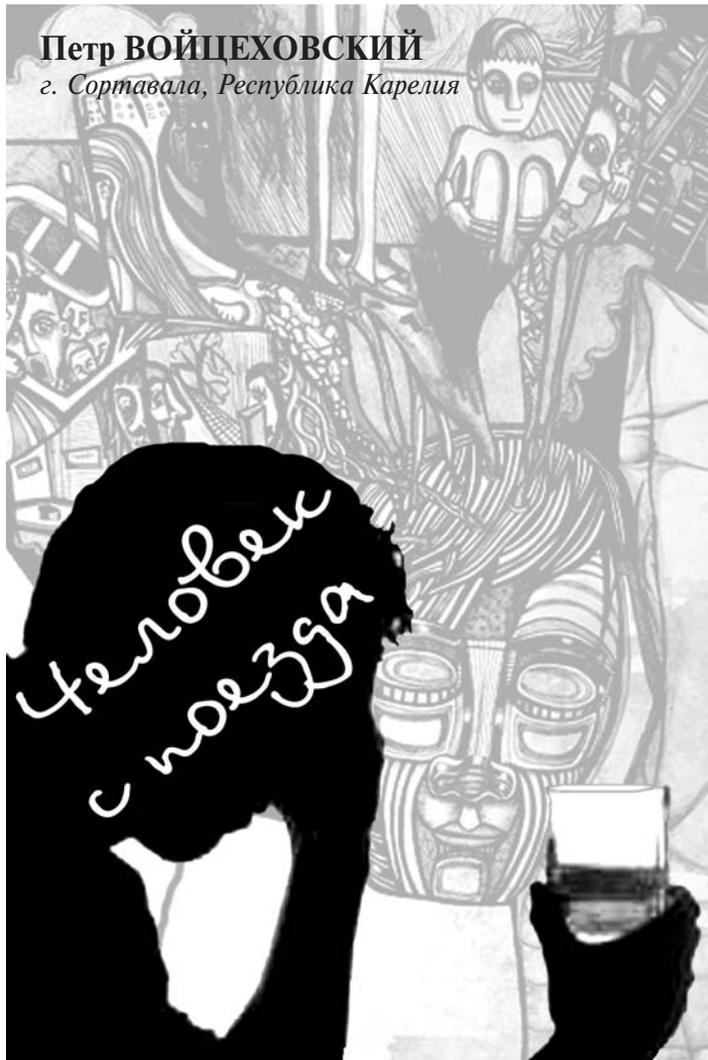

Петр ВОЙЦЕХОВСКИЙ

г. Сортавала, Республика Карелия

Кирилл подошел к своему вагону и достал билет.

— Вагон №15, место 23, — сказал он проводнице, стоявшей с флажком в руке в проеме двери. Этот освещенный электричеством проем и еще фонарь, раскачиваемый метелью, вот и все, что было живым в эту ночь на станции Юстеньга. Кирилл бросил портфель под ноги проводнице, поленившейся поднять створку пола, и полез в светящийся квадрат двери. Девчонка молча посторонилась. Отряхнув в тамбуре с себя мокрый снег, Кирилл вошел в душное тепло плацкартного вагона. Где-то за границей сознания гуднул тепловоз, и все поехало. Исчез фонарь возле камеры хранения, где Кирилл полтора часа ждал

опаздывающий поезд, и ушла назад эта Юстеньга, как уходили назад другие города и станции в другие времена года. Вот и Юстеньга исчезла в темноте и метели. Кирилл шел по проходу к своему купе, и вдруг это слово «Юстеньга» резануло его по сердцу, да так, что он остановился и замер в проходе. Юстеньга! Это не Юстеньга, а вся его прошлая жизнь осталась здесь. «Наташа», — прошептал он, и сердце провалилось куда-то, и он представил себе ряд заметенных снегом домов поселка, и провисшие, белые от снега провода, и тишину, и Наташу, спящую в одном из домов...

Поезд увозил его из Юстеньги, и ему было страшно, потому что все было сказано и впереди его ждали Ленинград и холодное ленинградское одиночество. Кирилл сделал над собой усилие и двинулся дальше по проходу. Сейчас он разденется, ляжет и уснет, а утром будет видно. Его купе было в центре вагона. Вообще-то, весь вагон спал, но в его купе что-то жило и шевелилось, здесь не спали, вернее спали не все. Трое ребят в свитерах и валенках пили водку, а какая-то женщина спала на верхней полке.

— Вот ваша полка, — сказала шедшая сзади проводница и показала место.

— Иди посиди с нами, — сделал приглашающий жест парень в сером свитере. Он улыбнулся и протянул Кириллу руку: — Сергей.

Кирилл молча пожал протянутую руку и сел.

— Хватит гулять, — сказала проводница, — иди в свое купе.

— Садись, девка, ночь длинная, — и остальные тоже загалдели: — Садись!

— Вы откуда, мужики? — спросил Кирилл.

— Костомукшу знаешь?

— Слышал.

— Ну вот оттуда. В отпуск едем, — сказал второй парень и протянул лапу: — Петр.

— Кирилл.

— А это Эдик, наш шеф, — он сделал жест в сторону третьего, черноволосого и бородатого, в голубом свитере с рисунком.

Сергей притянул к себе смеющуюся проводницу и стал разливать водку.

«А черт с ним», — подумал Кирилл. Он вообще не любил пить с незнакомыми людьми, но отказать и остаться наедине с уехавшей в темноту Юстеньгой не решился и покорно взял стакан.

— Давай, парень, за все хорошее, — чокнулся с ним Эдик, и следом все, и проводница, протянули свои стаканы.

— За все хорошее! — Кирилл привычно опрокинул водку и, морщась, закусил огурцом, лежавшим на газете. Перед тем как глотнуть, он сказал: — Прозит!

— Чего ты сказал? — спросил, прожевав, Петр.

— Да так, привычка, это шведы говорят, когда пьют.

— Прозит. Шведы. А ты, что, бывал в Швеции?

— Нет, знаю только. У нас в партии изыскательской так говорили.

— Вот я скажу, — влез в разговор Сергей, обнимавший проводницу и уже вливший ей в рот полстакана.

Но что он скажет, никто не узнал, потому что Эдик снова разлил водку.

— За Костомукшу, за ребят, — и все снова выпили.

— Прозит, — произвольно сказал Кирилл.

— Что ты все «прозит» да «прозит». Талдычишь не по-нашему.

— Привык.

— Отвыкай. Мы люди простые, — произнес Петр. — Ты водку пьешь, а не коньяк или ром, и говорить должен не «прозит», а «будем здоровы», — и он обнял Кирилла за плечи. — Ну скажи — будем здоровы.

Кириллу вдруг стало противно все это, он отстранился от обнимавшей его руки, и парень почувствовал его неприязнь.

— Не хочешь, — пьяно обиделся он. — Смотри, Эдик, — обратился он к соседу, — водку пить нашу хочет, а говорить не хочет.

— Девушка, — обратился он к лежавшей на верхней полке женщине. — Спускайтесь к нам.

Он подергал одеяло.

— Спускайтесь, выпьем, а то тут всякие фраера по-иностранным говорят, а нам непонятно.

— Оставь ее в покое, — сказал Кирилл, — пусть спит.

— А твое какое собачье дело? — вдруг возмутил-

ся Сергей. — Мы в отпуск едем. В отпуск! Понял? Из Костомукши! Понял, пижон?

Кирилл промолчал. Драться не хотелось. Не то было настроение. Он сидел, слегка оглушенный двумя порциями водки, и в голове опять была темная Юстеньга, ряды домов, провода и заборы, и Наташа, спящая под ватным одеялом с пододеяльником. «Уезжай, — сказала она. — И больше никогда не возвращайся. Я не хочу больше этой муки! Никогда!» Она стояла на крыльце в пальто, накинутом на ночную рубашку, и в качающемся свете фонаря по лицу ее пробегали свет и тени. Никогда! Ни-ког-да! Юстеньга стучала в голове у Кирилла.

— Отвечай, когда к тебе обращаются! — услышал он голос Сергея. — Ты откуда едешь?

— Отстаньте от него, — кокетливо сказала проводница. — Он из Юстеньги.

— Мы из Костомукши. Мы там лес валили, — сказал, еле ворочая языком, Эдик. — Лес. А ты что делал в Юстеньге? — Он ткнул пальцем в грудь Кириллу: — Ты?!

Кирилл отстранил палец и, забыв про все, отдался моменту. Он вдруг понял, что драки не миновать.

— Ну что привязался? — сказал он Эдику. — Пей свою водку и отстань, а я полез спать...

— Нет, спать мы тебе не дадим, — пьяно погрозил ему пальцем Сергей. — Ты зачем был в Юстеньге?

Кирилл встал, забросил портфель наверх и стал снимать куртку.

— Пойдем в тамбур, поговорим, — сказал Сергей и поднялся, вытесняя Кирилла из купе.

— Пойдем, — Кирилл двинулся к выходу, не желая будить спором пассажиров.

Он вышел в тамбур и достал сигареты. Сергей шел сзади. В тамбуре по углам висел иней, стучали громко колеса и было прохладно после сонной духоты спящего вагона. Он закурил.

— Ты чего пристал? — обратился он к Сергею.

— Да так, — пьяно улыбнулся Сергей, и в этот момент остальные двое вломились в тамбур.

В душе Кирилла впервые шевельнулось что-то, похожее на страх, но он не успел ни к чему приготовиться, и ослепляющий удар в лицо застал его врасплох. Он даже не понял, кто это сделал, а потом все смешалось. Его били, пинали ногами, и он бил кого-то в тесном заку-

ке тамбура, а вагон спал, и поезд летел в темноте, и там, мелькнуло у него в голове, в Юстенъге, спит под одеялом теплая Наташа. Вдруг пахнуло холодом, и он понял, что открыли дверь, и стук колес стал громче. Кирилл почувствовал страх и попытался подняться с пола, но удар ногой в лицо снова лишил его сил. Как бы со стороны он ощутил, что его поднимают и он полетел куда-то в темноту. Мимо грохнул поезд, страшная боль ударила по руке, и наступила тишина.

Очнулся Кирилл от холода и боли. Рука была сломана — это факт. Он лежал ногами в снегу, головой к рельсам, совсем рядом с промчавшейся мимо смертью, и было тихо и холодно. «Выбросили из поезда, — подумал он. — Живой, — подумал он еще. — Нужно встать». И он встал. Было темно, только белел снег и чернели рельсы. Куда идти? Назад, в Юстенъгу? — Далеко уже отъехали. Часа три. Что впереди за станция, он не знал. Кирилл огляделся и увидел далеко на горизонте два огонька. «Пойду к людям», — подумал он и побрел, проваливаясь в снег по пояс, в сторону огней. Правую руку, которую дергало при каждом шаге, он держал на весу другой рукой. Снег был глубокий и мокрый. Через некоторое время, спустившись в лог, Кирилл потерял огоньки из виду. И остановился по пояс в снегу. Куда идти? И тут он вдруг успокоился. Чего бояться? Он один. Он в логу. На самом дне. Надо подняться наверх и сориентироваться. И Кирилл полез наверх. По небу неслись рваные тучи, задувал сырой ветерок. Кирилл лез вверх по склону лога и, оберегая руку от толчков, привычно размышлял: «Как все спокойно в мире, когда люди спят. Вот меня хотели убить, выбросили на ходу из поезда, а за что? За то, что я не такой, как они. За то, что я сказал «прозит», за то, что не разрешил будить женщину на верхней полке. Они думают, что убили меня, и им теперь страшно. Они пьют водку и знают, что на ближайшей станции проводница все расскажет, и им страшно. А мне хорошо. Я свободен от них, от этого душного вагона, от всего, что было со мной. Я иду в тишине и приду к огонькам, и увижу новых людей, которые откроют мне дверь и будут жалеть меня. А меня жалеть не надо. Вместе с поездом уехал мой портфель с

фотографией Наташи, с Юстенъгой, с ночной рубашкой, белеющей на крыльце, и теплым ватным одеялом в пододеяльнике. Я могу вообще никуда больше не возвращаться. Я убит. И непонятный восторг охватил его, и легко дышалось в сыром воздухе ночи. «Я пойду к этим добрым огонькам и останусь в доме, где меня примут, женюсь на той, что меня полюбит, стану делать то, что мне нравится». Он поднялся на бровку лога и снова увидел огоньки. Они были так же далеки, как и в начале пути. Но кто-то не спал этой ночью, кто-то ждал его, и Кирилл пошел к огонькам, проваливаясь в снег и держа правую руку на весу, свободный и счастливый, а поезд уносил во тьму страх, и боль, и боязнь расплаты. Там сидят и пьют работяги из Костомукши, которые раньше были детьми, потом учились в школе, писали сочинения и диктанты, огорчали родителей и учителей, валили лес и вот сейчас убили человека. Кирилл шел и распевал стихи, неизвестно откуда всплывающие в памяти:

*Мне приснилось: над миром раздался гром,
Расколола молния ночь.
И как карточный рухнул мой каменный дом,
И бежал из развалин я прочь.*

*Стоял над городом крик и стон,
Огонь бежал по стене.
И люди бежали со всех сторон,
Исчезая в кромешной тьме.*

*А к утру, не оставив ни крест, ни труп,
Навсегда исчезли с земли
Все, кто жаден и мелок, кто подл и глуп,
Лицемеры, тицеславцы, вральи.*

*Остался веселый, свободный люд,
И в сияющий утренний час
Все мы рады увидеть друг друга. Салют,
Но как мало осталось нас...*

Кирилл шел, распевая стихи о том, как в мире стало хорошо, и идти, распевая, ему было легко. «Откуда они взялись, эти стихи?» — подумал он и понял, что придумал их сам. Понял и не удивился, хотя раньше стихов никогда не писал. Он вдруг почувствовал, что еще и не то

может. В голове звучали мотивы и слова песен, никогда никем не петьх и не придуманных, шагалось легко, но что-то мешало, будто тащило его в сторону от этих огоньков на горизонте, от песен в голове, от прохлады снегов, назад, в душную ночь вагона.

— Вставай, Кира, — услышал он. — Вставай, на работу опоздаешь.

Кирилл открыл глаза. Наташа в бигуди, но уже одетая, трясла его за плечи.

— Я больше твоих приятелей, особенно этого Сережку, на порог не пущу. Вот вы вчера пропьянствовали весь вечер, а белье в стирку никто не

отнес и кран водопроводный у тебя времени нет починить. Все я, я одна, — со слезами выговаривала она. — Ты последнее время как чужой, посторонний человек. Живешь своей жизнью и ничего не видишь вокруг, как я бьюсь.

«Надо вставать, — ошеломленно думал Кирилл. — Что это мне снилось? Галиматья какая-то. Надо вставать!»

А это стучалась к нему во сне его непрожитая, другая жизнь. Сколько их у нас, не счесть! А лучше или хуже прожитой — кто знает...

Впервые я увидел ее на скамейке железнодорожной платформы. Скамейка была зеленая, а серый асфальт платформы был весь в солнечных пятнах и тенях. Она сидела, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Попробую описать ее. Это была крупная женщина. Все у нее было большое: ноги, губы, руки. Губы толстые, мясистые, слегка приоткрылись в блаженной улыбке, навстречу солнцу. Большая голова с вьющимися волосами покоилась на закинутых за спинку скамейки руках. Ноги, совсем открытые, вытянуты вперед. Она грелась на солнце и откровенно блаженствовала. Рядом сидела и вязала старушка. Женщина вдруг потянулась этак вкусно, как большое, сытое животное, и я услы-

шал медленный, с хрипотцой, ленивый голос: «Мужика-а-а хочу! Родить хочу! Хочу счастья!» Старушка вздрогнула и испуганно посмотрела на нее. Две девчонки, проходившие мимо, прыснули и прибавили ходу, и только мне эти слова показались естественными, связанными органично со всей ее фигурой, и я как будто даже ждал чего-то подобного. Подошел мой поезд, и я двинулся на восток, потому что была весна и начинался полевой сезон. Вот уже двадцать лет я еду весной то на восток, то на запад, то на север. И только на юг я весной никогда не еду. В поезде я увидел ее вновь. Она сидела за столиком на боковой полке и с наслаждением слушала то, что ей говорил молодой солдат, весь увешанный значками. Солдат увлеченно рассказывал ей о своей молодой, небогатой событиями жизни, и она слушала его, полуоткрыв рот, и на лице ее менялось то восхищение, то веселье, то грусть, будто ей рассказывали чудесную сказку. Исчезли толстые губы и грубые, крупные черты лица. Иногда на ее лице вдруг появлялось стремительное выражение страсти и силы, и солдат сбивался и даже пугался как будто. Я откровенно любовался этой женщиной. И еще я заметил, что в поезде дальнего следования она ехала без багажа, даже без сумочки. Ночью, когда все улеглись спать, я услышал шепот солдата. Они сидели у окна. «Слушай, — говорил он, — ты такая хорошая, ты все понимаешь. Выходи за меня замуж. Построим дом. Будем работать». «Что ты, что ты, — скороговоркой говорила женщина, — что ты, милый, — в ее

голосе слышался испуг. — Я же старая, — засмеялась она, — что ты, милый, нелзя так-то». Она, видимо, гладила его, а солдат плакал. Я заснул, когда проснулся, солдат спал на полке, а ее не было, видно, сошла на ночной станции. Весь сезон я работал в Сибири. Возвращался домой в тяжелом отчаянии. Жизнь моя была разбита. Я ехал в пустоту. Дома меня не ждало ничего хорошего. Ночью поезд остановился. У большого вокзала мокрый асфальт освещали бледные шары фонарей. Я вышел на платформу и, не оглядываясь на этот проклятый поезд, который вез меня к несуществующему дому, прошел через здание вокзала на большую площадь. Я пересек площадь и присел на одинокую тумбу. Было мне тоскливо и жалко себя. Вспомнился этот безумный сезон, усталость, надежды и крушение надежд, и крушение всего-всего, что я считал жизнью, что я считал прочным и надежным. Никого не было вокруг, и я, сорокалетний мужчина, расслабился и заплакал, жалея себя и свою разбитую вдребезги жизнь. Вдруг прохладная рука опустилась на мой затылок. Мягкие руки гладили мою голову, и невероятные слова услышал я, какие не слышал никогда. «Ну что ты, милый, — шептали чьи-то губы, — ну что ты, разве можно так?» Я поднял полные слез глаза и увидел ее. «Откуда вы?» — спросил я. «Из поезда». — «Мы с вами ехали вместе весной, — сказал я. — Вас еще уговаривал солдат выйти за него замуж». — «А, Вася, —

улыбнулась она, и на лице ее появилось знакомое выражение лукавой мечтательности. — Он мне до сих пор пишет». — «А куда вы тогда ехали?» — «А никуда. Я сажусь в поезд и еду с людьми куда-нибудь, а потом выхожу и возвращаюсь домой, к жизни». В ее голосе я почувствовал тоску. Мне самому хотелось приласкать, погладить по голове ее, но я не решился. «Дома работа, семья. Мои уже привыкли. Муж говорит детям: «У мамы опять тоска. Пусть съездит на поезде». И меня отпускают». — «Выходите за меня замуж, — сказал я. — Будем вместе ездить. Я езжу всю жизнь». — «Всю жизнь мне не надо, — засмеялась она, — но иногда находит что-то, да вы понимаете, я вижу, и не могу я сидеть на месте. Я сажусь в поезд и еду. Разговариваю с людьми, а потом возвращаюсь и снова могу жить, как все». Она доверчиво улыбнулась мне. «Только знаете, я каждый раз уезжаю все дальше и дальше. Это так незаметно, когда ты с людьми. Я заезжаю все дальше и боюсь, что однажды я заеду так далеко, что мне будет уже не вернуться». Как она ушла — я даже не заметил. Да и была ли она на самом деле или это видение возникло во мне, чтобы напомнить о чем-то самом важном, что не расскажешь никакими словами...

1980 год

Петр Георгиевич ВОЙЦЕХОВСКИЙ

родился в 1935 г.

*Окончил Ленинградское Нахимовское училище,
а затем Лесотехническую академию.*

*Долгие годы работал на изысканиях и проектировании автомобильных
и железных дорог в СССР, а также в Африке.*

*В 1983 г. переехал в г. Сортавалу, где работал в Дорожном управлении,
на Валааме — заместителем директора по реставрации,
руководителем проектной группы «Карелагропромпроект».*

*Свои рассказы о путешествиях,
стихи публиковал в журналах «Костер», «Знамя».*

Также постоянно сотрудничает с журналом «Сердоболь».

В журнале «Север» публикуется впервые.

